

КЪ СТОЛѢТІЮ ПОКОРЕНІЯ ФИНЛЯНДІИ.

I.

Вышелъ въ свѣтъ новый томъ «Исторіи Финляндіи», составляемый М. М. Бородкинымъ, извѣстнымъ публицистомъ по «финляндскому вопросу» и изслѣдователемъ исторіи русско-финскихъ отношеній ¹⁾. Обширный томъ въ 600 страницъ, со множествомъ рисунковъ и портретовъ, охватываетъ время Императора Александра I, т. е. событія покоренія Финляндіи (1808—1809 гг.) и первые годы управленія ею русскою государственною властью.

Покоренію Финляндіи, какъ извѣстно, посвящено также капитальное изслѣдованіе К. Ордина, вышедшее въ 2-хъ томахъ, въ 1889 году. Книга г. Бородкина существенно дополняетъ этотъ трудъ.

К. Ординъ, въ противовѣсъ финскимъ историкамъ, изложилъ событія покоренія Финляндіи «главнымъ образомъ, по русскимъ

¹⁾ Перу г. Бородкина принадлежатъ слѣдующія работы о Финляндіи:—«Балтійская Финляндія и финская Балтика» (1894 г.) «Изъ исторіи ученій финляндскаго государственнаго права» (1895 г.); «Русскій языкъ въ Финляндіи» (1899 г.); «Справка о конституціи Финляндіи» (1900 г.); «Г. М. Армфельтъ и его русско-финскія отношенія» (1901 г.) «Юридическое положеніе Финляндіи» (1902 г.); «Финляндія въ русской печати. Библиограф. указатель», (1902 г.); «О разсказахъ прапорщика Столя» (1903 г.) «Война 1854—1855 г. на финскомъ побережьѣ» (1904 г.); «Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ» (1905 г.); «Финляндскій вопросъ» (1905 г.) «Финляндская окраина въ составѣ русскаго государства» (1906 г.); «Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрікова» (1905 г.); «Исторія Финляндіи. Время императора Александра II» (1908 г.) и др.

источникамъ», воспользовавшись неизданными матеріалами государственнаго и другихъ архивовъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, ¹⁾—и довелъ свое изслѣдованіе до Фридрихсгамскаго мира. закончившаго войну 1808—1809 гг.

М. М. Бородинъ раздвинулъ рамки своей исторіи шире, охвативъ ими и время, непосредственно слѣдовавшее за присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи,—и пошелъ въ изслѣдованій событій глубже. Онъ спустился, такъ сказать, въ подпочвенный слой—и устанавливаетъ и освѣщаетъ факты не только по официальнымъ даннымъ, но и по воспоминаніямъ и мемуарамъ современниковъ ихъ, по ихъ частнымъ письмамъ и запискамъ и вскрываетъ намъ, такимъ образомъ, подоплеку не только того, что совершилось, но и того, что должно было совершиться, согласно чаяніямъ, надеждамъ и мечтамъ лицъ, завязывавшихъ узелъ русско-финскихъ отношеній... Здѣсь, въ частныхъ, семейныхъ архивахъ, въ «разсыпанной хранилѣ» литературы о Финляндіи, г. Бородинъ собралъ обширный матеріалъ о менѣе разслѣдованной—политической и бытовой сторонѣ кампаніи 1808—1809 гг.,—о дипломатическихъ переговорахъ, о настроеніи общества, о поведеніи войскъ и т. п. факторахъ историческихъ событій, которые, по справедливому мнѣнію автора, имѣютъ такое же важное значеніе, какъ и успѣхи оружія.

Объ этихъ факторахъ спеціальныя военно-историческія изслѣдованія обыкновенно умалчиваютъ. На нихъ мы теперь и остановимся.

II.

Какъ началась война?

«Отъ копѣчной свѣчки, какъ говорятъ, Москва сгорѣла».

Изъ за такой же «копѣчной свѣчки» Швеція потеряла Финляндію.

Конечно, въ томъ и другомъ случаѣ «копѣчная свѣчка» послужила только послѣднимъ звеномъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій...

Сгорѣла Москва въ 1770 году потому, что это была старая, допетровская, деревянная Москва, густо застроенная, и только «богоспасаемая»...

Загорѣлась война между Швеціей и Россіей потому, что первая не могла примириться съ паденіемъ своего политическаго зна-

¹⁾ Архивъ Статсъ-секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго, по собственному признанію К. Ордина, остался для него закрытымъ.

ченія послѣ Великой Сѣверной войны. а послѣдняя считала эту войну незаконченной, ибо «туловищу не доставало руки», какъ об-разно опредѣлили значеніе Финляндіи для Россіи посоль Неполена I при Александрѣ I, Коленкуръ.

Надъ обѣими виталь образъ Великаго Петра.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стояль Онъ думъ великихъ полнъ
И вдалъ глядѣль...

.....
«Отсель грозитъ мы будемъ шведу!»

«Здѣсь будетъ городъ заложонъ»

«На зло надменнолу сосѣду!...»

Вотъ психологическое обоснованіе взаимныхъ отношеній Рос-сіи и Швеціи, уже дважды сражавшихся вновь въ XVIII вѣкѣ, послѣ Ништадтскаго мира.

Вотъ психологическое обоснованіе заносчивости шведскихъ королей, Густава III и Густава IV въ отношеніи великой Екате-рины и Александра I.

Это было проявленіемъ безсильной злобы, когда, на выражен-ное въ 1801 году Императоромъ Александромъ желаніе посѣтить Густава IV въ Стокгольмѣ, послѣдній отвѣтилъ, что «теперь нѣтъ времени заниматься этими пріятными предположеніями»...

Проявленіемъ той же злобы было приказаніе Густава IV въ 1802 году выкрасить въ одну шведскую краску весь мостъ у Аб-борфорса, на пограничной рѣчкѣ Кюмени, одна половина котораго дотолѣ была окрашена въ зеленый, русскій цвѣтъ, а другая—въ синій, шведскій. И это приказаніе было отдано Густавомъ какъ разъ въ тѣ дни, когда въ этомъ Абборфорсѣ происходило свиданіе царственныхъ сестеръ—русской императрицы и шведской коро-левы.

Густавъ IV мотивироваль это тѣмъ, что границею русскихъ владѣній долженъ служить не рукавъ Кюмени между островомъ и берегомъ Финляндіи, а противоположный берегъ рѣки.

Такимъ образомъ, вопросъ о границахъ Швеціи и Россіи былъ снова поставленъ, на очередь... Дѣло дошло до того, что русскій посланникъ покинулъ—Стокгольмъ, а шведскій—Петербургъ... Генераль Клеркеръ получилъ отъ Густава приказаніе стянуть фин-скія войска къ границѣ... А Императоръ Александръ 20-го мая 1803 г. самъ выѣхаль въ Абборфорсъ для обзорѣнія спорной земли, т. е. острова и моста на Кюмени, повелѣвъ въ то же время немед-

ленно привести Кюменегородскую крѣпость въ оборонительное состояніе, воздвигнуть укрѣпленія вдоль всей Кюмени, вооружить гребной флотъ, а сухопутнымъ войскамъ двинуться на шведскую границу.—«Вѣроятно, судьба Финляндіи была бы рѣшена тогда же, замѣчаетъ нашъ историкъ,—если бы Англія не употребила всѣхъ своихъ средствъ». Швеція уступила...

Но не въ характерѣ Густава IV было руководиться пользою своей страны и спокойно и зрѣло опредѣлять свои силы и оцѣнивать политическое положеніе вещей.

Это былъ взбалмошный, грубый, угрюмый и недовѣрчивый человекъ. Онъ подражалъ Карлу XII въ костюмѣ—и воображалъ себя полководцемъ, хотя никто не видалъ его на поляхъ сраженій. Онъ ничего не читалъ, кромѣ воинскаго устава и Библии,—и искренно вѣрилъ, что Наполеонъ—апокалипсическій звѣрь. Онъ своеобразно понималъ свои обязанности монарха—и не стѣснялся посылать Финляндію «ко всѣмъ чертямъ», открыто заявляя, что онъ «слишкомъ хорошъ, чтобы управлять такой сволочью (раск), какъ эта финская нація»...

Дипломатическія сношенія съ такимъ человекомъ представляли, конечно, большія затрудненія. Но занятая борьбою съ Наполеономъ, Россія дѣлала рядъ уступокъ Швеціи, дабы избѣжать окончательнаго разрыва съ нею. Шведскимъ подданнымъ, при ихъ перѣздахъ въ русскихъ владѣніяхъ, были предоставлены преимущества, которыхъ не имѣли другіе иностранцы. Чтобы помочь Швеціи въ неурожайный для нея 1806 годъ, русское правительство не распространило на нее ограничительныхъ постановленій относительно вывоза хлѣба за границу (указъ 13-го ноября 1806 года).

Но на Густава IV ничто это не дѣйствовало. И какъ разъ въ это время, выжидая побѣды Франціи надъ Россіей, онъ отдалъ войскамъ своимъ, расположеннымъ въ шведской Финляндіи, приказаніе быть готовыми выступить въ походъ по первому требованію, чтобы напасть на насъ со стороны Финляндіи.

Однако неудачная для насъ кампанія 1806—1807 гг. окончилась въ Тильзитѣ свиданіемъ соперниковъ—Императоровъ и ихъ совмѣстными мечтами о миролюбивомъ раздѣлѣ между собою владычества надъ міромъ.

По Тильзитскому договору было условлено побудить стокгольмскій, копенгагенскій и лиссабонскій дворы примкнуть къ континентальной системѣ, долженствовавшей, по замыслу Наполеона

закрѣтъ Англіи доступъ на континентъ, т. е. запереть для англійскихъ судовъ свои гавани...

— Я изъ Испаніи справлюсь съ Португаліей, говоритъ Наполеонъ въ Тильзитѣ Александру,—а Вы берите себѣ Финляндію въ вознагражденіе за войну, которую намъ, можетъ быть, придется вести со Швеціей. Правда, шведскій король—Вашъ родственникъ и союзникъ, но по этому именно онъ долженъ слѣдовать Вашей политикѣ—или же, въ противномъ случаѣ,—пострадаетъ. Въ какихъ бы отношеніяхъ случайно къ Вамъ онъ ни былъ,—онъ постоянно Вашъ географическій врагъ. Петербургъ слишкомъ близко къ шведской границѣ; петербургскія красавицы не должны больше изъ домовъ своихъ слышать громъ шведскихъ пушекъ...

Этимъ разговоромъ, замѣчаетъ г. Бородинъ, и была рѣшена участь Финляндіи.

Густавъ IV зналъ обо всемъ этомъ, но упорствовалъ въ своемъ союзѣ съ Англіей и не закрывалъ для нея своихъ гаваней. Онъ не хотѣлъ подчиниться «апокалипсическому звѣрю», онъ ненавидѣлъ Александра I.

Между тѣмъ Наполеонъ, чрезъ Коленкура, настойчиво и энергично требовалъ выполненія Тильзитскаго договора относительно воздѣйствія на Швецію вступленіемъ нашихъ войскъ въ предѣлы шведской Финляндіи.

— „Императоръ Александръ исполнялъ свои тильзитскія обязательства по отношенію къ Швеціи, видимо, неохотно, не слѣпа, а главное—съ непрекращавшейся надеждой, что оружія ему не придется обнажать,—пишетъ г. Бородинъ.—То, что дѣлалось Россіей подъ давленіемъ Франціи, отнюдь не таяло въ себѣ коварныхъ замысловъ противъ Швеціи. Наша сосѣдка открыто и честно предупреждалась о требованіяхъ Франціи. Ей опредѣленно предлагался удобный выходъ изъ неблагоприятнаго положенія“...

„Русскіе министры и генералы, продолжаетъ онъ, заявляли Стедингу (шведскому посланнику въ Петербургѣ, пользовавшемуся общеою симпатією), что Императоръ противодѣйствуетъ войнѣ со Швеціей и что нація (русская) противъ нея. Русскіе простерли свою сердобольную откровенность такъ далеко, что убѣждали Стединга въ необходимости принять энергичныя мѣры для обороны Финляндіи, дабы страна не была захвачена врасплохъ¹⁾“...

Возникаетъ интересный вопросъ: почему же Императоръ Александръ, поддерживавшій въ Тильзитѣ мечты Наполеона о совмѣстномъ владычествѣ надъ міромъ, медлил теперь съ исполненіемъ тильзитскихъ обязательствъ?

¹⁾ Нерасположеніе «націи» къ войнѣ со Швеціей объясняется тѣмъ, что тильзитское свиданіе поколебало симпатіи къ Александру русскаго общества, мѣропріятіями же правительства возбужденнаго противъ Наполеона. По слухамъ знали, что Франція настаиваетъ на войнѣ нашей съ Швеціей,—и ринили Александра въ недостатокъ характера.

М. М. Бородкинъ объясняетъ это такъ:

„Нельзя допустить, чтобы Александръ I вовсе не думалъ о Финляндии и не понималъ значенія ея присоединенія къ Россіи. Вопросъ о Финляндии уже въ 1802 занялъ въ русской политикѣ выдающееся положеніе. и война тогда со Швеціей была отклонена лишь случайно. Кромѣ того извѣстно, что Императоръ въ интимной бесѣдѣ съ генераломъ П. К. Сухтеленемъ обсуждалъ вопросъ о наиболѣе выгодной для Россіи сѣверной границѣ. Сухтеленъ подошелъ къ картѣ и карандашомъ провелъ черту отъ Торнео до океана.—„Полно, полно, сказалъ Государь: эта граница намъ недоступна. Что скажетъ своякъ мой, король шведскій?“ — „Посердится и забудетъ“, отвѣтилъ Сухтеленъ...

„По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, Императоръ Александръ при раздѣлѣ земель въ Тильзитѣ принялъ Финляндію въ видѣ возмездія за испанскую корону, предназначенную дому Бонапартовъ. Моментъ былъ благопріятный. Противъ пріобрѣтенія Финляндии въ другое время могли поднять свои голоса западныя державы, озабоченныя сохраненіемъ европейскаго равновѣсія; теперь же, когда на вѣсы политики брошенъ былъ мечъ Наполеона, никто не могъ воспрепятствовать завоеванію земель, прилежащихъ къ русской границѣ. Императоръ Александръ понималъ, что необходимо было воспользоваться подходящимъ случаемъ.

„Но Государю приходилось считаться съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое далеко не было враждебно настроено къ Швеціи.

— „Валахія и Молдавія—вотъ вознагражденіе, ожидаемое народомъ говорилъ Александръ послу Наполеона,—а этого вы хотите лишить насъ“.

Валахія и Молдавія—вотъ куда были направле ны помыслы повелителя Россіи. Условія времени требовали прежде всего ихъ присоединенія. Но на это Наполеонъ соглашался условно и уклончиво... Его заботы были въ Испаніи; онъ хотѣлъ въ то же время, чтобы Россія не перешагнула за Дунай... Вся миссія его посла въ Петербургѣ сводилась именно къ тому, чтобы разными проектами отвлечь вниманіе Россіи отъ юга, отъ Дуная... И когда онъ общалъ Александру, что «недалекъ отъ мысли объ экспедиціи въ Индію, отъ мысли о раздѣлѣ Отгаманской имперіи и что его армія соединится съ русской подъ стѣнами Стокгольма, онъ говорилъ все это для того, чтобы отвлечь Александра отъ юга Европы... Но Александръ I былъ очень опытенъ въ вопросахъ обаянія, чтобы позволить обмануть себя этими фантазмагоріями. Въ его глазахъ все выдавало двойную игру Наполеона съ турками, которыхъ онъ тайно поддерживалъ, и со шведами, которымъ онъ угрожалъ только на словахъ“.

(стр. 42—43).

Все это и заставляло Императора Александра медлить и выжидать раскрытія истинныхъ намѣреній Наполеона. Послѣдній продолжалъ настаивать, понуждать, ободрять.

— «Скажите ясно Императору, писалъ онъ Коленкуру, что я желаю всего того, чего онъ хочетъ... Я не буду мѣшать ему завладѣть Швеціей, даже Стокгольмомъ»...

И Швеція была объявлена война.

III.

Какъ къ этому событію отнеслись въ Швеціи? Каково было настроеніе шведскаго общества въ виду грозной опасности?

Ее предвидѣли давно. Еще абборфосская выходка Густава IV, въ 1802 году возбудила въ Швеціи, по словамъ нашего историка, много безпокойства и опасеній большихъ бѣдствій какъ для самаго короля, такъ и для государства.

Ротмистръ Нюландскихъ драгунъ, Карль Меллерсвердъ въ своемъ походномъ дневникѣ отмѣтилъ, что «война начата, благодаря упрямству короля, который образцомъ взялъ для себя Карла XII и строго слѣдовалъ примѣру своего оригинала въ покрое одежды и перчатокъ съ крагами, но далеко отставалъ отъ него въ умственномъ отношеніи и храбрости».

Армфельтъ въ февралѣ 1808 года сообщалъ своему другу Аминову:—«Предстоитъ война съ Россіей, и результатомъ ея будетъ потеря Финляндіи или ея опустошеніе. Его величество король кажется непоколебимъ въ своихъ намѣреніяхъ предоставить Промыслу заботу, которая, по его мнѣнію, ему не принадлежитъ...»

Самъ Аминовъ писалъ въ мартѣ того же года женѣ:—«...долгъ заставляеть меня не поддерживать въ тебѣ надежды на спасеніе Финляндіи въ настоящее время»...

Карль Эрнротъ, отличавшійся въ войнахъ Густава III, также писалъ, что «Финляндія рано или поздно все-таки будетъ принадлежать Россіи, и это тѣмъ-лучше, чѣмъ скорѣе...»

Поручикъ Бракель, также одинъ изъ героевъ войны 1788—1790 гг., высказывался брату, въ письмѣ отъ 11-го февраля 1808 года, въ томъ смыслѣ, что «горсть людей безъ хлѣба и одежды едва ли можетъ, при всемъ желаніи, сопротивляться хорошо вооруженной арміи...»

«Извѣстному» въ нашей литературѣ Ѳаддею Булгарину, въ то время молодому уланскому офицеру и участнику кампаніи 1808—1809 гг., довелось въ то время выслушать отъ одного образованнаго финна-помѣщика слѣдующія слова:—«Въ доказательство, что я не предвижу счастливаго для насъ конца этой войны, вотъ сынъ мой, которому я не позволилъ вступитъ въ военную службу...»

И другой финнъ-помѣщикъ писалъ своему сыну, рвавшемуся подъ шведскія знамена:—«Сдерживай себя, безпечный юноша! Война окончится прежде, чѣмъ ты успѣешь выказать свои воен-

ные таланты. То, что должно совершиться, быть может, сбудется раньше, чѣмъ твой мундиръ будетъ готовъ».

Вотъ каково было настроеніе общества въ Швеціи и Финляндіи, когда вспыхнула долго назрѣвавшая война съ Россіей. По словамъ г. Бородкина, образованные и богатые люди, хотя и досадовали на вторженіе русскихъ, хотя и не любили ихъ, ожидая со стороны этихъ «варваровъ» всякихъ эксцессовъ войны, но готовы были почти безъ сопротивленія подчиниться судьбѣ, которая казалась имъ неизбѣжной,—негодую на свое правительство и даже явно ропща на короля.

Пессимистическое настроеніе шведско-финскаго общества имѣло подъ собою почву не только въ личности короля, не только въ пониманіи политическаго положенія Европы, мысленно уже подѣленной въ Тильзитѣ между союзными монархами Франціи и Россіи, но и въ сознаніи неготовности Финляндіи къ оборонѣ.

Защиту Финляндіи составляли прежде всего финскія сухопутныя войска, часть которыхъ (13,752 чел.) выставлялась помѣщиками—это поселенныя войска, а часть (6,000 чел.) комплектовалась вербовкою. Войска эти лишь на короткое время собирались для учебныхъ сборовъ. Въ остальное время и солдаты, и офицеры ихъ были болѣе земледѣльцами, чѣмъ воинами. Пѣхота была вооружена гладкоствольными кремневыми мушкетами со штыками. Оружіе было вообще плохо и имѣлось въ недостаточномъ количествѣ. «Случайное совпаденіе обстоятельствъ, рассказываетъ г. Бородкинъ, привело къ тому, что не далѣе какъ въ 1806 г. (стало быть, почти наканунѣ войны), Швеція (видимо, нуждавшаяся въ деньгахъ вслѣдствіе неурожая въ странѣ) продала Россіи и Пруссіи годные къ починкѣ ружья и тесаки въ весьма значительномъ количествѣ». Вѣроятно, вслѣдствіе этого, когда началась война съ Россіей, добровольцамъ-кореламъ, чтобы сдѣлать видъ своего оружія болѣе грознымъ, пришлось придѣлывать къ своимъ охотничьимъ ружьямъ *деревянныя крашенныя штыки*. На вооруженіи артиллеріи состояли пушки разныхъ калибровъ. Кавалерія была вооружена дурными пистолетами. О состояніи хозяйства въ этихъ войскахъ даетъ ясное представленіе слѣдующее письмо начальника штаба шведской арміи, графа Левенгельма генералу Адлеркрейцу: — «Слѣди за комисарами магазиновъ, это самые большіе мошенники, какихъ я встрѣчалъ... Особенно большую пользу ты окажешь арміи, если заставишь зорко слѣдить за транспортами, которые отправляются въ Улеборгъ, потому что они охотно идутъ

безъ охраны, чтобы по дорогѣ можно было грабить и ссылаться на крестьянъ. Я не умру спокойно, заключаю свое письмо Левенгелъмъ, пока не узнаю, что хоть одинъ изъ комисаровъ высѣченъ на пушкѣ до окончанія кампаніи».

Состояніе крѣпостей было также неудовлетворительно. Внутреннія крѣпости стояли незаконченными то по недостатку денегъ на ихъ постройку, то изъ-за взаимныхъ пререканій по поводу ихъ различныхъ военныхъ шведскихъ властей. Приморскія крѣпости—Свартгольмъ и Свеаборгъ, возведены были, главнымъ образомъ, для поддержанія сообщенія со Швеціей во время лѣтнихъ кампаній...

Вообще всѣ планы обороны Финляндіи, выработанные шведскимъ генеральнымъ штабомъ, имѣли въ виду лишь лѣтнее время, хотя ему не разъ указывалось на опасность для Швеціи именно зимняго похода русскихъ.

Такимъ образомъ, шведское общество имѣло всѣ основанія быть недовольнымъ своимъ бездѣятельнымъ правительствомъ и роптать на короля, который только въ послѣднюю минуту, буквально уже наканунѣ объявленія ему войны Россіей, а именно 11-го января 1808 г., учредилъ въ Стокгольмѣ «тайный военно-подготовительный комитетъ». Презрѣніе, питавшееся королемъ къ Финляндіи, выразилось и въ этотъ моментъ въ томъ, что въ составъ его не вошелъ ни одинъ финнъ. Комитетъ этотъ сразу же призналъ, что нападеніе русскихъ на Финляндію зимой является особенно опаснымъ, и потому наиболѣе благоразумнымъ онъ призналъ спасти отъ арміи то, что можно, пославъ въ крѣпости Свартгольмъ и Свеаборгъ столько войскъ, сколько онѣ могутъ вмѣстить, и отведя остальные ея части въ Эстерботнію.

— «Такимъ образомъ, замѣчаетъ нашъ историкъ, комитетъ сразу оставлялъ большую часть Финляндіи безъ боя въ распоряженіе русскихъ. Такое рѣшеніе не предвѣщало ничего хорошаго для Швеціи. Къ оборонѣ приступали робко, почти трусливо, подавленные мыслью о безнадежности сопротивленія».

IV.

Главнокомандующимъ шведскою арміею былъ назначенъ 63-хлѣтній генераль Клингспоръ, предсѣдательствовавшій въ этомъ самомъ «тайномъ военно-подготовительномъ комитетѣ».

Свою военную карьеру этот полководец начал во французской армии, во времена маркизы Помпадуръ, и въ сраженіи при Росбахѣ, въ рядахъ австрійскихъ войскъ, взявъ первый урокъ «въ искусствѣ—отступать». Вернувшись въ Швецію, онъ при Густавѣ III, во время войны 1788—1790 гг., исполнялъ обязанности интенданта и, говорятъ,—недурно. Но его полководческія дарованія подвергались большому сомнѣнію. — «Нужно обладать большимъ умомъ»,—острили про него его соотечественники,—чтобы отыскать человѣка съ такимъ малымъ умомъ, какъ Клингспоръ». — «Изъ всѣхъ офицеровъ шведской армии, Клингспоръ меньше всѣхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію», признали впоследствии и шведскіе историки событій 1808—1809 гг.

Какъ же онъ при такихъ своихъ данныхъ получилъ столь отвѣтственное назначеніе? Оказывается, очень просто.

— «Клингспоръ явился ко мнѣ»,—разсказывалъ впоследствии Густавъ IV Армфельту,—«и со слезами на глазахъ говорилъ, что послѣ того, какъ онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, какъ генералъ-аншефъ, въ мирное время, командовалъ войсками въ Финляндіи, для него будетъ позоромъ, если, при предположеніи возможности войны, его уволить отъ этого командованія и назначать другого на его мѣсто. Онъ былъ такъ жалокъ, и его слезы такъ растрогали меня, что я былъ вынужденъ согласиться на его просьбу, хотя и знаю напередъ, какъ все теперь пойдет...»

И такъ, только благодаря этимъ слезамъ и «жалкому виду», командованіе шведской арміей въ Финляндіи перешло къ Клингспоръ, не пользовавшемуся ни уваженіемъ, ни довѣріемъ націи и войскъ.

Правда, въ послѣднюю минуту король сдѣлалъ попытку отговорить Клингспора ѣхать къ арміи, но и она ни къ чему не привела. Клингспоръ предоставлено было право оставить свой постъ, «если онъ найдетъ, что при наступившихъ обстоятельствахъ не въ состояніи нести службу».

Но мелочный, узко самолюбивый Клингспоръ боялся не поражений, не бѣдствій своего отечества, не позора проигранной кампаніи, а пересудовъ стокгольмскаго общества по поводу его отставки,—и поѣхалъ... Поѣхалъ безъ всякой вѣры въ побѣду, открыто заявляя всѣмъ и каждому, что онъ «не беретъ на себя защиту Финляндіи противъ превосходныхъ силъ Россіи», а когда, уже въ дорогѣ, онъ узналъ, что русскія войска перешли границу шведской Финляндіи, то воскликнулъ:—«Пропала Финляндія!»

Стокгольмскія газеты провожали его карриатурами, въ которыхъ Клигспоръ изображался то въ кибиткѣ, наполненной подушками, то верхомъ на ракъ, котораго онъ прищипориваетъ и который отъ того двигается въ привычномъ, попятномъ направленіи.

Чего же могла ждать Швеція отъ такого полководца? Отступленія, пораженія... Съ этого и началась для шведской арміи кампанія, стоившая ей Финляндіи.

Главнокомандующимъ нашей арміи назначень былъ графъ Буксгевденъ, — «одинъ изъ стаи славной екатерининскихъ орловъ».

Къ сожалѣнію, образъ его представляется неяснымъ и противорѣчивымъ въ изображеніи нашего историка. Онъ сообщаетъ о немъ то совершенно излишнія, не идущія къ дѣлу подробности, въ родъ того, что Буксгевденъ былъ женатъ на Наталіи Алексѣевнѣ Алексѣевой, побочной дочери Екатерины II и князя Григорія Орлова, которая «была красавица, блондинка и славилась, какъ превосходная жена», то характеризуетъ его строптивымъ и неуживчивымъ челоуѣкомъ со словъ Оаддея Булгарина и генераль-провіантмейстера арміи, Д. П. Мертваго. Но первый былъ въ то время молодымъ уланскимъ офицеромъ, едва ли имѣвшимъ возможность близко изучить характеръ главнокомандующаго, а второй былъ сторонникомъ Аракчеева, въ то время военнаго министра, съ которымъ Буксгевденъ былъ не въ ладахъ. Но вѣдь и Аракчеевъ былъ не изъ мягкихъ, уживчивыхъ людей! И какъ ни мало далъ г. Бородкинъ въ своей книгѣ данныхъ для характеристики Буксгевдена, мы все же можемъ сказать, что эта его строптивость и неуживчивость были проявленіемъ благороднаго свойства его личности—гражданскаго мужества. Онъ былъ строптивъ съ временщикомъ Аракчеевымъ и неуживчивъ съ такимъ низкимъ интриганомъ и авантюристомъ, какъ баронъ Спренгспортенъ, который, состоя при Буксгевденѣ въ арміи въ качествѣ «свѣдущаго въ финляндскихъ дѣлахъ челоуѣка», претендовалъ на постъ будущаго финляндскаго генераль-губернатора, мнилъ себя стратегомъ, дипломатомъ и администраторомъ и писалъ доносы въ Петербургъ на лицъ, не признававшихъ эти его таланты и гнушавшихся услугъ этого проходимца-предателя.

И въ то время, какъ Клигспоръ, не вѣря въ успѣхъ войскъ, «изъ боязни позора отставки» напрашивался въ главнокомандующіе, — Буксгевденъ, въ разгаръ своихъ военныхъ успѣховъ въ Финляндіи, сложилъ съ себя почетное званіе главнокомандующаго русской арміи, потому что считалъ несомнѣстнымъ съ этимъ до-

стоинствомъ получать отъ временщика Аракчеева грубыя письма. Онъ не пожелалъ допустить «уничтоженія званія главнокомандующаго, почтеннаго отъ всѣхъ и всѣми», и написалъ Аракчееву письмо, въ которомъ высказалъ ему много горькихъ истинъ.

— «Дѣятельность ваша (по попеченію обо мнѣ) удивительная!»—писалъ онъ.—«Неужели источникъ, изъ коего вы почерпаете предметы къ моему вреду, и нынѣ еще не истощился?... Вы мнѣ даете разными случаями почувствовать ваше недоброжелательство... Знаете ли, милостивый государь мой, что есть главнокомандующій? Главнокомандующій есть воинъ, испытанный въ любви къ отечеству, искусившійся въ полѣ брани и служеніемъ своимъ доказавшій преданность Престолу. Ему Государь вручаетъ безопасность, спокойствіе и славу своего государства, ему подчиняетъ Онъ тысячи воиновъ...»

— «Выборъ Буксгевдена въ главнокомандующіе не могъ стязать, по выраженію Ө. Булгарина, никакой критики».

По отзыву же финляндца-современника, Буксгевденъ «былъ самымъ подходящимъ лицомъ, которому русское правительство въ такой критическій періодъ могло довѣрить управление Финляндіей. Онъ былъ справедливъ и добръ по отношенію къ покоренному народу, не забывая своего долга предъ Царемъ. Онъ оказывалъ несомнѣнные примѣры справедливости, когда подавались жалобы на солдатъ, онъ былъ любимъ каждымъ финномъ, которому приходилось имѣть съ нимъ дѣло...»

Въ заключеніе и нашъ историкъ призналъ за Буксгевденомъ «государственный умъ», которымъ онъ, и безъ содѣйствія «эксперта по финляндскимъ дѣламъ и специалиста по части вліянія на умы», Спренгспортена,—«недурно разбирался въ новыхъ условіяхъ и правильно понималъ главное положеніе вещей».

Въ арміи же нашей никогда не забывали, что Буксгевденъ былъ любимцемъ Суворова—и уже одно это сразу создало довѣріе войскъ къ своему вождю.

V.

М. М. Бородкинъ еще въ предисловіи предупредилъ читателей, что онъ очень мало коснется военныхъ дѣйствій,—«лишь настолько, чтобы сохранить связность общаго разсказа и имѣть раму для главной картины своего описанія». Онъ допустилъ исключеніе лишь по отношенію къ Свеаборгу и къ возстанію крестьянъ,

«въ виду той громадной роли, которая выпала на долю этихъ со-бытій».

Однако, о военныхъ дѣйствіяхъ сказано въ настоящемъ трудѣ столь мало и отрывочно, что безъ помощи другихъ источниковъ нѣтъ возможности даже схематически ихъ себѣ представить.

Свеаборгу, правда, посвящена особая глава, содержащая много любопытныхъ свѣдѣній, но подчасъ противорѣчивыхъ и неясныхъ, не проливающихся и на этотъ разъ полного свѣта на темное и загадочное дѣло капитуляціи этой крѣпости.

И чѣмъ больше хочетъ онъ внушить убѣжденіе въ неподкупности свеаборгскаго коменданта, Кронстедта, тѣмъ меньше вѣрится въ нее.

Ужъ очень темно прошлое этого героя!

Въ 1801 году онъ былъ главнымъ начальникомъ шведскаго флота и любимцемъ Густава IV. Его считали «знающимъ и безкорыстнымъ человѣкомъ...» И вдругъ неожиданно для себя, для всего придворнаго общества онъ долженъ былъ покинуть Стокгольмъ и переселиться въ Свеаборгъ. Это и тогда считали «ссылкой», но причинъ опалы не знали и, вѣроятнѣе всего, приписывали взбалмошности короля. И только много лѣтъ спустя эти причины раскрыты были въ «Запискахъ стараго густавіанца», приписываемыхъ нашимъ историкомъ оберъ-камергеру барону Гамильтону. Вотъ, что сказалъ Густавъ IV автору этихъ записокъ, удивленному внезапной опалой Кронстедта.

— Онъ обманулъ и меня, и Императора Павла. Онъ былъ, безъ моего вѣдома, слугою Павла, какъ и моимъ, когда Нельсонъ бомбардировалъ Копенгагенъ, и обманулъ насъ обоихъ, позволивъ англичанамъ купить себя; благодаря именно его интригамъ, шведскій флотъ не вышелъ въ море. Что это такъ—вы можете прочесть у секретаря кабинета, барона Лагербиельке англійскія депеши. Впрочемъ, прибавилъ король, я далъ ему прекрасную «ретираду». Онъ будетъ теперь главнымъ начальникомъ Свеаборга.

Узнавъ о такой «ретирадѣ» измѣнника, «старый густавіанецъ» не могъ подавить своего изумленія и заклиналъ короля никогда болѣе не довѣрять такому человѣку и, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ войны съ Россіей сейчасъ же отозвать его съ этого мѣста. Онъ говорилъ королю, что человѣкъ, подобный Кронстедту, никогда не забудетъ того позора, который онъ навлекъ на себя, и будетъ искать случая мстить... «Благородный король, заключаетъ свой

разсказъ «старый густавіанецъ», убѣдился впослѣдствіи въ справедливости этого предсказанія».

Нашъ историкъ признается, что не знаетъ, насколько правдивъ авторъ приведеннаго разсказа, «такъ какъ имъ допущены нѣкоторыя фактическія неточности» (какія—не указано), но и онъ считаетъ несомнѣннымъ, что въ Свеаборгъ Карлъ Олафъ Кронстедтъ попалъ «не по своей охотѣ».

Казалось бы, при наличности такого обвиненія, не опровергнутого, а скорѣе подтвержденнаго позднѣйшею его дѣятельностью, нѣтъ мѣста утвержденію, что «комендантомъ крѣпости (Свеаборга) состоялъ вице-адмиралъ Карлъ Олафъ Кронстедтъ, «лично храбрый и честный офицеръ»...

Въ честности Кронстедта, помимо вышеприведеннаго разсказа «старого густавіанца», можно усомниться и по другимъ даннымъ, приводимымъ нашимъ авторомъ въ примѣчаніи 155-мъ. Разсказывая о томъ, какъ въ Свеаборгѣ обкрадывали шведскую казну, онъ отмѣчаетъ, со словъ Даниэльсона, что «если адмирала (Кронстедта) и не обвиняли прямо въ участіи въ кражѣ, однако, злоупотребленія приписываются прежде всего ему, потому что онъ большею частью находился въ деревнѣ и позволялъ своимъ офицерамъ и другимъ частнымъ людямъ пользоваться средствами казны. Казенные корабли продавались съ аукціона за грошъ, и покупатели могли къ тому же даромъ ремонтировать ихъ на верфи крѣпости... Изъ матеріала, принадлежавшаго крѣпости, воздвигались прекрасные дома въ близъ лежащихъ имѣніяхъ»...

Какая ужъ это честность! Что касается храбрости Кронстедта, то, высказавъ о ней столь категорически сужденіе на одной страницѣ, зачѣмъ же на другой, сосѣдней, признавать, что оцѣнка Кронстедта (по которой вся Швеція и гарнизонъ Свеаборга считали его «орудіемъ спасенія Швеціи») была совершенно неправильной?—«Его точка зрѣнія оказалась ограниченной, характеръ въ высшей степени впечатлительнымъ и нравственное мужество ничтожнымъ».

Задача историка заключается не только въ томъ, чтобы собрать груды противорѣчивыхъ фактовъ и сужденій современниковъ и изслѣдователей по тому же вопросу, но и провести черезъ нихъ свою равнодѣйствующую, устанавливающую единство впечатлѣнія, единство исторической правды.

Но М. М. Бородкинъ, «стараясь дать возможно обильный матеріалъ о первомъ періодѣ нашего обладанія Финляндіей, дабы

читатели сами могли разобраться въ запутанныхъ русско-финскихъ отношеніяхъ», подчасъ еще болѣе запутываетъ ихъ противорѣчіемъ собраннаго имъ дѣйствительно обширнаго матеріала и отсутствіемъ историческаго критерія для оцѣнки его. И это одинъ изъ существенныхъ недостатковъ интереснаго труда г. Бородкина, проявляющійся у него довольно часто.

Такъ, напримѣръ, сообщивъ на первой страницѣ главы, посвященной Свеаборгу, что къ началу осады этой крѣпости въ погребахъ ея находилось до 6 тыс. пудовъ пороха и значительное количество снарядовъ, что число людей, способныхъ сражаться, доходило до 6,750 чел., что начальствующихъ лицъ было столько, что на 32 солдата приходилось по одному офицеру ¹⁾, что Кронстедту удалось преодолѣть всѣ затруднія по заготовкѣ провіанта для крѣпости и предполагалось, что послѣдняя обезпечена имъ вплоть до открытія навигаціи,—нашъ историкъ дѣлаетъ поспѣшный выводъ, «что къ началу военныхъ дѣйствій Свеаборгъ находился въ весьма благоприятныхъ условіяхъ».

Но далѣе оказывается, что «ко времени войны 1808 г. крѣпость не была во всѣхъ своихъ частяхъ достроена, и это особенно мучило мнительнаго ея коменданта, изнурявшаго свой гарнизонъ какъ поспѣшными постройками по возведенію укрѣпленій, такъ и по вооруженію ихъ;—что къ недостаткамъ крѣпости надо отнести столь существенныя обстоятельства, какъ малую глубину рововъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и незначительную высоту брустверовъ въ другихъ, особенно тѣхъ, которые обращены къ сушѣ, и отсутствіе надежныхъ прикрытій для бомбъ и пр.,—что «Кронстедтъ (въ своемъ донесеніи королю о состояніи Свеаборга) вовсе не говоритъ о недостаткахъ, которые, при одномъ взглядѣ на карту, бросались въ глаза: Скансландъ или Бокгольменъ не были укрѣплены», тогда какъ на этотъ недостатокъ было указано еще въ XVIII столѣтіи даже въ иностранной литературѣ, а Кронстедтъ находился въ Свеаборгѣ уже семь лѣтъ,—и наконецъ, что большая часть гарнизона состояла изъ мало обученныхъ рекрутъ, составъ офицеровъ былъ совершенно неудовлетворительный и недостаточно знакомый съ войною и, вообще, по словамъ «безпристрастнаго» очевидца капитана Бота, «представляя изъ себя гидру о 6,000 головахъ, причемъ каждая имѣла свой интересъ и каждую нужно было особыми мѣрами привлекать, уговаривать или принуждать»...

1) По Ордину (т. I, стр. 383) — на 100 солдатъ — по одному офицеру.

Такую крѣпость, конечно, отнюдь нельзя считать находящеюся «въ весьма благопріятныхъ условіяхъ».

Не считалъ ее такою, по словамъ нашего же историка, и самъ адм. Кронстедтъ.— «Во вѣрнной ему крѣпости онъ видѣлъ замерзшій корабль, взятый на abordажъ непріателемъ. Къ тому же на Свеаборгъ, задолго до войны, у него установился тотъ взглядъ, что онъ неизбѣжно погибнетъ, если русскіе осадятъ его зимою. Такимъ образомъ, въ душѣ онъ не вѣрилъ въ возможность исполненія порученной ему задачи»...

Это не помѣшало однако Кронстедту доносить королю, что «послѣ того, какъ я успѣлъ привести въ надлежащій порядокъ мои оборонительныя средства, я постараюсь, какъ можно долѣе, не допустить русскихъ взять крѣпость»...

Однако, когда русскими предложено было ему заключить конвенцію, по которой крѣпость должна быть сдана, если до 22-го апрѣля не придутъ подкрѣпленія съ моря, и въ обезпеченіе которой осаждающимъ передавались острова Лонгернъ (Ключевой), Лилла-Эстеръ-Свартэ (Стрѣлковый) и Вестеръ-Свартэ (Госпитальный), у Кронстедта ничего не нашлось болѣе за душой, какъ эти слова, которыя г. Бородкинъ приводитъ по запискамъ Лиліенпарре:— «Господа! Я не трусь и не наемникъ, но я не имѣю другого средства въ запасъ для крѣпости и его величества короля, какъ согласиться на предложеніе».

Между тѣмъ отъ короля Кронстедтъ имѣлъ совершенно опредѣленное указаніе: «жизнью и кровью до послѣдней крайности защищать крѣпость, а въ случаѣ невозможности отстоять послѣднюю сжечь флотъ и уничтожить запасы».

22-го апрѣля Свеаборгъ былъ сданъ русскимъ войскамъ. Ихъ трофеями были: 7,503 челов. военно-плѣнными, 2,033 орудія, 340,000 снарядовъ, 9,000 ружей, 110 судовъ и пр.

За время осады гарнизонъ Свеаборга потерялъ лишь 6 чел. убитыми и 32 чел. ранеными.

Современники, а за ними и историки, объяснили этотъ успѣхъ дѣйствіемъ нашего «золотого пороха».

М. М. Бородкинъ и по этому интересному вопросу не высказалъ опредѣленнаго мнѣнія.

Съ одной стороны, признать дѣйствіе «золотого пороха» ему, какъ будто мѣшаетъ національное самолюбіе, ревнивое къ доблести русскаго оружія, и потому, основываясь на заявленіи руководившаго осадю Свеаборга ген. Сухтелена,— что «самая мысль о по-

стыдномъ подкупѣ чужда была договаривающимся сторонамъ», онъ утверждаетъ, что «дѣло не въ деньгахъ»... — съ другой стороны, онъ не можетъ противостоятъ другимъ, еще болѣе авторитетнымъ свидѣтельствамъ и безспорнымъ документамъ, и потому столь же категорически говоритъ, что «при осадѣ Свеаборга прибѣгали къ помощи и женщинъ, и денегъ».

Мы не будемъ повторять здѣсь общеизвѣстныхъ уже свѣдѣній о роли Анны Бруновъ и г-жи Рейтершельдъ въ капитуляціи Свеаборга, о донесеніи Буксгевдена Государю, что ему «нужны еще и еще деньги для пріобрѣтенія расположенія въ гарнизонѣ», объ указаніи Аракчеева Буксгевдену, что Государь надѣется, что «если страніемъ и опытностью сила золотого пороха ослабила уже нѣсколько пружину военную, то и окончательное уничтоженіе оной должно исполниться», — и перейдемъ прямо къ сообщенію Коленкура о слѣдующемъ «загадочномъ» заявленіи, которое сдѣлалъ ему конфиденціально императоръ Александръ 27-го апрѣля (н. ст.): — «Всѣ финскіе офицеры за насъ. Золотой дождь возымѣлъ свое вліяніе во время перемирія: гарнизонъ сильно обработанъ, и, между нами будь сказано, адмиралъ Кронстедтъ имѣетъ искъ къ казнѣ, который я обязался ему уплатить. Это между нами, конечно, потому что это секретная статья»...

И по этому иску Кронстедтъ получилъ сполна, что удостовѣряется документомъ отъ 9-го декабря 1809 года, за собственоручною подписью императора Александра. Государь повелѣлъ выдать Кронстедту пенсію въ размѣрѣ 4,500 рейхсъ-талеровъ и еще 50,000 рейхсъ-талеровъ, которые онъ лично потерялъ отъ участія своими акціями въ обществѣ спасанія судовъ и грузовъ. Что же касается убытковъ, понесенныхъ адмираломъ по содержанію крѣпости, то ему предписано было предварительно полученія денегъ, представить соотвѣтствующіе счета Спренгспортену (нашли честнаго человѣка!) для изслѣдованія и провѣрки.

Общество спасанія судовъ и грузовъ, какъ сообщаетъ нашъ историкъ, было официальнымъ учрежденіемъ въ Швеціи; такъ какъ общество было монополистомъ и приносило своимъ членамъ большой доходъ, то король, желая обезпечить тому или другому лицу существенный доходъ, самъ назначалъ его акціонеровъ.

Получивъ назначеніе въ Свеаборгъ, Кронстедтъ получилъ отъ короля и нѣсколько акцій этого общества. Почему русская казна платила деньги Кронстедту за это шведское учрежденіе, мы не понимаемъ. Что гельсингфорскіе купцы Гейденитраухъ и Седергольмъ,

изъ шведскаго патріотизма, безъ всякихъ гарантій и залоговъ, взяли на время осады Свеаборга быть банкирами осажденной крѣпости, это понятно, но почему опять таки русское казначейство оплачивало чрезъ Кронстедта этотъ шведскій патріотизмъ, мы не понимаемъ, какъ не понимаемъ и то, почему не сами эти купцы явились кредиторами этой казны, а все тотъ же Кронстедтъ.

О томъ же, за что именно Кронстедту назначена была изъ русскаго же казначейства пенсія, — историкъ нашъ и вовсе умалчиваетъ.

Но мы не сомнѣваемся, что всѣми было бы признано чрезвычайно предосудительнымъ и подозрительнымъ то обстоятельство, если бы, положимъ, послѣ сдачи Портъ-Артура, бывшій его комендантъ получилъ отъ Японіи пенсію и возмѣщеніе своихъ личныхъ убытковъ, происшедшихъ отъ капитуляціи крѣпости.

И мы, право, не понимаемъ: во имя чего нашимъ историкамъ нужно до сихъ поръ увѣрять насъ въ неподкупности Кронстедта? Если во имя чести русскаго оружія, которое подъ Свеаборгомъ сыграло менѣе значительную роль, чѣмъ русское золото, то не все ли равно въ сущности, въ чьи карманы оно сыпалось: Егергорна и К^о или Кронстедта, разъ дѣйствіе «золотого пороха» въ данномъ случаѣ такъ же несомнѣнно, какъ отсутствіе мужества въ Кронстедтѣ, его слабость, его податливость чужимъ вліяніямъ и нещепительность въ выборѣ источниковъ и средствъ для возмѣщенія личныхъ своихъ матеріальныхъ убытковъ? Русская военная доблесть засвидѣтельствована столь длиннымъ рядомъ подвиговъ, что бояться умаленія ея отъ признанія, что Свеаборгъ былъ взятъ силой золота, а не силой оружія, не приходится. Вычеркните Свеаборгъ, и у насъ еще останутся Нотебургъ, Хотинъ, Туртукай, Очаковъ, Измаилъ, Прага, Шумла, Рущукъ, Ленкорань, Варшава Карсъ, Ташкентъ, Хива, Шлевна, Геокъ-Тепе и пр. и пр.

Есть и еще версіи причинъ сдачи Свеаборга: по одной изъ нихъ — Кронстедтъ, будто бы, получилъ приказаніе изъ Швеціи сдать крѣпость, такъ какъ тогда уже было рѣшено низложить съ престола короля Густава IV; по другой, будто, самъ Густавъ IV приказалъ Кронстедту сдать Свеаборгъ, какъ Гриппенбергу — Свартгольмъ.

— «Все это были лишь слухи, замѣчаетъ намъ историкъ, цитируя ихъ по запискамъ г-жи Лампе и дневнику Алеопеуса, — въ коихъ небылицы обыкновенно мѣшаются съ истиной. Конечно, не король желалъ паденія Свеаборга и не отъ него исходили прика-

занія сдать крѣпость, но у него было много враговъ, изъ которыхъ нѣкоторые носились съ мыслью объ его низложеніи, а другіе — о бесполезности сопротивленія русскимъ войскамъ».

И вслѣдъ затѣмъ М. М. Бородинъ сообщаетъ, по запискамъ генерала Аминова, что король плакалъ при извѣстіи о паденіи Свеаборга и немедленно повелѣлъ предать Кронстедта полемому суду.

Судъ въ Торнео 11-го февраля 1809 года заочно вынесъ ему и его товарищамъ по сдачѣ крѣпости смертный приговоръ. «Но, замѣчаетъ нашъ историкъ, Кронстедтъ до такой степени былъ спокоенъ душой и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, что выговорилъ себѣ свободный возвратъ въ Швецію, желая тамъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи. Его едва отговорили отъ столь рискованнаго шага»...

Когда именно Кронстедтъ расхрабрился вернуться въ отечество, г. Бородинъ не указываетъ, но всякому понятно, что убѣжденному въ правотѣ своихъ дѣйствій Кронстедту слѣдовало проявить это мужество тотчасъ по сдачѣ вѣренной ему крѣпости и поѣхать въ Торнео на судъ, а не въ Петербургъ искать свои протори и убытки по акціямъ общества спасенія судовъ и грузовъ...

VI.

Слѣдующимъ крупнымъ событіемъ въ ходѣ войны нашъ историкъ считаетъ возстаніе крестьянъ.

Обстоятельство это нельзя разсматривать внѣ связи съ духомъ шведскихъ войскъ и поведеніемъ войскъ русскихъ.

Факты, собранные по этимъ вопросамъ нашимъ историкомъ, также весьма разнообразны и также подчасъ противорѣчивы.

Для шведской арміи кампанія началась отступленіемъ безъ боя. Если подобное начало вообще дурно отражается на духѣ всякой арміи, тѣмъ болѣе оно должно было отразиться на духѣ финскихъ войскъ, состоявшихъ изъ торпарей и помѣщиковъ. Офицерскіе «бостели» и солдатскіе «торпы» могли быть очень полезны для прокормленія офицерскихъ и солдатскихъ семействъ, но они не оставляли времени для обученія ратному дѣлу, не создавали боевыхъ интересовъ, воспитывали земледѣльца, а не воина, и вели къ разоруженію страны и пониженію воинскаго духа. Къ тому же офицерское званіе пріобрѣталось въ этой арміи очень просто: оно покупалось...

Въ результатѣ: ротные командиры оказались «то слишкомъ старыми, то слишкомъ неспособными, а иногда то и другое вмѣстѣ», «баталіонные командиры были храбрые и честные люди, за которыми однако ничего замѣчательнаго признать было нельзя»...;— генералы?. Общей характеристики ихъ не дано, но вотъ портреты нѣкоторыхъ, кромѣ Клингспора и Кронстедта, о которыхъ мы уже писали: комендантъ первой сдавшейся намъ шведской крѣпости— Свартгольма—К. М. Гриппенбергъ, послѣ капитуляціи, вступилъ въ русскую службу ¹⁾); Клеркеръ, командовавшій финскими войсками до войны, по отзыву Стединга былъ «наилучшимъ человекомъ подъ небесами, но... старымъ...», и потому, когда подъ Тавастгустомъ къ нему явились пасторы въ тревогѣ за свою беззащитную, бросаемую на произволъ русскихъ паству, и искали у него утѣшенія, —онъ потеръ свой морщинистый лобъ и самымъ плачевнымъ голосъ отвѣтилъ:— «Утѣшеніе! утѣшеніе! Но вѣдь мнѣ самому нужно утѣшеніе!...»; Аминовъ, четвертый постоянный партнеръ «за походнымъ бостоннымъ столикомъ Клингспора, —«производилъ впечатлѣніе брюзги и очень самодовольнаго критика, съ плохо скрытою завистью и враждебностью къ другимъ и съ очень сильнымъ чувствомъ пессимизма и безнадежности въ отношеніи исхода борьбы «противъ подавляющей силы Россіи»; антагонистъ Аминова во время войны и послѣ нея, Адлеркрейцъ, «какъ начальникъ бригады могъ отличиться, но для того, чтобы руководить массами, ему не доставало спокойнаго сознанія военачальника»; между тѣмъ во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ ему суждено было явиться въ роли полководца—и въ ней, подъ Оровайсомъ, —«побѣду сдѣлать поражениемъ»...

Выгодно отличались отъ нихъ лишь Деббельнъ, фонъ-Веgezакъ и Сандельсъ.

Мы противопоставили имъ: Буксгевдена, Барклай-де-Толли, Багратіона, Кульнева, Тучкова—учениковъ Суворова и будущихъ героев «12-го года».

Начавшаяся война оторвала финскихъ поселенныхъ воиновъ отъ ихъ «бостелей» и «торпъ», а *отступленіе* отдавало ихъ имѣнія въ руки непріятеля. Въ результатѣ появилась «бьернеборгская болѣзнь» —дезертирство изъ рядовъ арміи. Первый ее подмѣтилъ отставной маіоръ Аминовъ, братъ генерала. Прибывъ въ

¹⁾ По словамъ М. М. Бородкина, изъ переписки Буксгевдена можно вывести догадку, что и по Свартгольму мы дѣйствовали «золотымъ порохомъ».

концѣ марта въ Бьернеборгъ съ цѣлью узнать что нибудь о судьбѣ отступающей арміи, онъ, къ своему изумленію, на одномъ общественномъ праздникѣ встрѣтилъ одиннадцать офицеровъ, которые, по словамъ горожанъ, остались здѣсь, послѣ ухода арміи, подъ предлогомъ болѣзни. Подобные же факты занесъ въ свой походный дневникъ и аудиторъ Аспъ.

Явленіе это приняло, наконецъ, такіе размѣры, что Клингспоръ немогъ скрыть его отъ короля и донесъ ему о томъ, что «нѣкоторые офицеры, подъ предлогомъ болѣзни, однако безъ моего согласія или вѣдома, оставались на станціяхъ и въ городахъ, которые я во время отступленія долженъ былъ покинуть». Число такихъ лицъ, по вѣдомости Клингспора, достигло до 64 человекъ.

Но деморализація сказывалось не только среди офицерскаго корпуса. — «Всѣ въ бригадѣ—писалъ полковой священникъ Гольмъ, отъ начальства до солдата, роптали и громко высказывали свое неудовольствіе, что вынуждены были оставить родину, женъ и дѣтей во власти непріятеля, прежде чѣмъ необходимость потребовала этого».

Но на ряду съ этимъ есть не мало свидѣтельствъ и о высокому духу шведско-финскихъ войскъ. Такъ, Меллинъ пишетъ, что «никакія приманки, никакія трудности не могли поколебать твердости солдата». — «Вы не можете себѣ представить, съ какимъ видомъ и веселостью они исполняютъ свои обязанности, свидѣтельствовалъ и Адлеркрейцъ въ письмѣ Аминову, а когда они замѣтили непріятеля, то забыли всѣ трудности и заботы. Никогда въ Швеціи не будетъ такихъ солдатъ и жителей», добавлялъ онъ.

Населеніе Финляндіи, въ массѣ крестьянства, дѣйствительно, было исполнено патріотическаго одушевленія. Не зная того, какъ дешево цѣнить ихъ родину король, оно было вѣрно ему; съ Швеціей оно считало себя связаннымъ всѣмъ своимъ историческимъ прошлымъ,—религіей, законами, учрежденіями, присягой; въ русскихъ же видѣло иноземцевъ, чуждыхъ ему всѣмъ, а въ данномъ случаѣ—завоевателей, вступившихъ въ край и принесшихъ съ собою всѣ бѣдствія войны.

Первоначальные успѣхи русскихъ войскъ и отступленіе шведской арміи, безъ малѣйшей попытки сопротивляться нашествію, капитуляціи Свартгольма и Свеаборга деморализовали его и вынудили подчиниться силѣ обстоятельствъ. Обыватели охотно продавали нашимъ войскамъ свои продовольственные запасы, когда

Буксгевденъ установилъ за нихъ хорошую плату, — и вообще хорошо принимали ихъ.

Способствовало этому и поведение русскихъ войскъ. Финляндскіе и шведскіе историки согласно устанавливаютъ тотъ фактъ, что «болѣе чѣмъ всякія прокламаціи и иныя мѣры, содѣйствовала успокоенію умовъ та дисциплина, которая въ началѣ господствовали въ русскихъ войскахъ. Русское начальство во многихъ случаяхъ строго наказывало за такіе поступки, которые въ то время допускались въ широкихъ размѣрахъ Наполеономъ и его побѣдоносной арміей».

Строгая дисциплина въ войскахъ и ихъ доброе, законмѣрное отношеніе къ населенію присоединяемой къ Россіи Финляндіи было предметомъ особой заботливости Императора Александра.

Еще въ періодъ стягиванія арміи нашей къ границамъ Финляндіи, въ концѣ января 1808 г., Государь выражалъ Буксгевдену надежду, что «со стороны войскъ... сохранено будетъ спокойствіе заграничныхъ жителей». Въ другомъ секретномъ рескриптѣ на имя Буксгевдена объ этомъ говорилось еще болѣе опредѣленно и категорично. — «Опыты прошедшихъ военныхъ дѣйствій увѣрили меня въ томъ справедливомъ мнѣніи, что строгая дисциплина есть душа военной службы, что малѣйшее послабленіе начальника есть первое начало разстройства въ дѣлахъ... Я поручаю вамъ всю власть, какую только признаете вы за нужное употребить... для наблюденія добраго въ войскахъ порядка, дисциплины и сурбординаціи, и надѣюсь отъ васъ, что ожиданіе мое не будетъ тщетно, что никакой слухъ, противный оному, до меня не дойдетъ и что ненавистное названіе «мародѣровъ» не будетъ существовать въ корпусѣ вашемъ».

Рядомъ разумныхъ мѣръ и строгимъ отношеніемъ къ малѣйшему нарушенію «добраго порядка» Буксгевденъ выполнилъ всѣ эти указанія.

Такъ, Гартманъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что въ Борго русскими военными властями сами горажане привлечены были къ наблюденію за порядкомъ; они обязаны были каждый вечеръ и каждое утро въ разныхъ частяхъ узнавать, не производились ли солдатами какія либо насилія и преступленія и обо всемъ узнанномъ тотчасъ же докладывать предсѣдателю суда, а послѣдній уже сообщалъ о нихъ коменданту города. При такомъ порядкѣ вещей никакой проступокъ не оставался безъ возмездія. Алопеусъ раз-

сказываетъ, что именно въ Борго комендантъ приказалъ наказать батогами какъ караульнаго начальника, такъ и капрала за то, что часовой позволилъ себѣ взять у пропущеннаго имъ черезъ заставу 5 копѣекъ... Въ Гамле-Карлебю какой то «усатый коршунъ» похитилъ было дѣвушку дочь трактирщика. Его задержали, и Буксгевденъ приказалъ его разстрѣлять... Онъ былъ помилованъ лишь по просьбѣ самой дѣвушки, ея отца и Кульнева.

При очищеніи нами Умео, всѣ магазины съ аммуниціею, провіантомъ и артилеріею остались нетронутыми и были возвращены шведамъ. «Увезти съ собою взятую добычу, доносить по этому поводу Барклай де Толли,—походило бы единственно на корыстолюбіе, а истребить и привести въ негодность не было бы знакомъ миролюбія»...

Вотъ какъ рыцарски вели войну наши генералы! Понятно, что въ это время «финны лишь опасались ухода русскихъ», какъ занесъ въ свои записки Алонеусъ слова одного юкасскаго крестьянина; а майоръ Аминовъ, имѣніе котораго занято было нашими войсками («3,000 чедовѣкъ, мерзлыхъ, истощенныхъ, голодныхъ, ѣвшихъ что попало»), выражалъ изумленіе, «какъ армія, до того изголодавшаяся, могла содержаться въ столь строгой военной законности, что не учиняла насилій и не производила безпорядковъ, ибо ни одинъ врагъ не бываетъ болѣе жестокъ, чѣмъ голодъ»...

Хочется еще и еще цитировать многочисленныя свидѣтельства современниковъ-финновъ, кропотливо собранныя отовсюду нашимъ историкомъ, чуткимъ къ чести русскаго имени.—всѣхъ этихъ Бладовъ, Маландеровъ, Тигерстетовъ, Бракелей, Аминовыхъ, Клерфельтовъ и др., но мы предпочитаемъ отослать читателей къ самой книгѣ г. Бородкина, знакомство съ которой можетъ наполнить сердце потомковъ гордостью за доблестныхъ предковъ.

«Финскія войска, пишетъ нашъ историкъ, находились въ своей землѣ, и тѣмъ не менѣ случалось, что чужой собственности не щадили». И онъ цитируетъ дневникъ аудитора Аспа, въ которомъ записано:—«Крестьяне начинаютъ жаловаться на насъ (финновъ). Воруютъ у нихъ сѣно. Драгунскіе офицеры получаютъ отъ казны раціоны на каждую лошадь своей части, но вмѣсто того, чтобы выдавать ихъ, драгунамъ отпускается «на чай», дабы они сами кормили своихъ лошадей. Такъ обогащаются на счетъ страны! Кто можетъ поручиться, что и обозныя лошади не кормятся такимъ же способомъ».

Припоминая то, что писалъ гр. Левенгельмъ ген. Адлеркрейцу о шведскихъ интендантахъ (цитировано нами выше), въ этомъ предположеніи много вѣроятія.

Однако съ развитіемъ военныхъ дѣйствій обрисованныя выше взаимныя отношенія нашихъ войскъ и финскаго населенія испортились. И виновны въ этомъ были не наши войска.

Быстрое наступленіе Буксгевдена вслѣдъ за отступавшими по всей линіи шведами заставило нашу армію растянуться до такой степени, что между центромъ ея (кн. Багратионъ) и правымъ флангомъ (ген. Тучковъ I) легла почти вся Финляндія... Между тѣмъ шведская армія, отступая, концентрировалась, численно росла и, наконецъ, сдѣлалась сильнѣе преслѣдовавшей ея арміи,

7-го апрѣля, 1808 г. у Сиккаюкь, совершился переломъ кампаніи.

Десятидневный перерывъ въ дѣйствіяхъ послѣ этого боя, необходимый, чтобы выждать прибытія транспортовъ и подкрѣпленій и дать отдыхъ нашимъ войскамъ, утомленнымъ двухмѣсячнымъ форсированнымъ маршемъ, обнаружилъ предъ шведами критическое положеніе побѣдителей, незначительность ихъ силъ, непрочность ихъ успѣха.

Клингспоръ перешелъ въ наступленіе—и начался періодъ нашихъ неудачъ.

Между тѣмъ какъ разъ въ это время въ краѣ сталъ распространяться Высочайшій Манифестъ отъ 20-го марта «о покореніи шведской Финляндіи и о присоединеніи ея навсегда къ Россіи», а затѣмъ началась и подготовка населенія къ принесенію присяги на вѣрноподданство русскому Государю.

Это былъ психологически ужасно неудачно выбранный моментъ.

Масса легко поддается впечатлѣнію силы и также легко выходитъ изъ подъ ея обаянія, когда счастье измѣняетъ силѣ или эта сила оказывается эфемерной,—непрочной, ненадежной... И вотъ въ тотъ самый момевтъ, когда престижъ русскихъ, какъ побѣдителей-завоевателей страны, палъ, когда вѣра въ ихъ силу, какъ опору для будущей жизни страны, поколебалась,—предъ населеніемъ поставленъ былъ ребромъ вопросъ ихъ совѣсти: можно ли присягать новому государю, не нарушивъ присяги старому,—никакимъ юридическимъ актомъ не отмѣненной?

Прокламации шведскаго короля и Клингспора доказывали, что—нельзя и требовали вѣрности данной ранѣ присягѣ.

Дотолѣ безсильныя, безрезультатныя—пока шведская армія отступала безъ боя,—онѣ теперь, въ эти минуты душевнаго сомнѣнія и одушевленія успѣхами своихъ финско-шведскихъ войскъ, дошли до сердца населенія, нашли въ немъ откликъ—и вся страна заволновалась и поднялась на пришельцевъ-завоевателей.

— Трудно, конечно, прослѣдить, пишетъ нашъ историкъ,—какъ мелкіе ручейки возстанія изъ разныхъ крестьянскихъ захолустій и одинокихъ торпъ образовали одинъ весьма сильный потокъ „вандейской войны“. Устанавливается только, что первыя наиболѣ замѣтныя скопленія вооруженныхъ обывателей были обнаружены около тѣхъ (шведскихъ) десантныхъ отрядовъ, которымъ удалось высадиться, какъ въ Эстерботніи, такъ и на югъ...“

Крестьяне вооружались, чѣмъ могли: охотничьими ружьями, косами, дубинами, топорами и заостренными кольями, къ палкамъ привязывались ножи (пуукко). Мѣстами они воздвигали укрѣпленія, похожія на батареи, съ вымазанными сажей бревнами, которыя издали казались пушками. Одни шайки крестьянъ дѣйствовали самостоятельно, подъ начальствомъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, школьныхъ учителей и пасторовъ, а иногда торпарей, бобылей и чернорабочихъ; другія же состояли при регулярныхъ войскахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ дисциплина этихъ бандъ была такова, что шведскіе генералы и офицеры «теряли голову», не зная, какъ подчинить ихъ своей волѣ и своимъ планамъ и остановить ихъ разнуздавшіеся инстинкты.

— „По признанію самихъ финляндскихъ современныхъ писателей, въ Эстерботніи существуетъ много мѣстныхъ преданій о илѣненіи и часто неразумныхъ и безчеловѣчныхъ избиеніяхъ русскихъ курьеровъ и солдатъ.—Эстерботнійская крестьянская война представляетъ смѣсь любви къ родинѣ, никакаго корыстолюбія, необдуманной спеси и безумной національной ненависти. Не было иногда пощады ни мирному коробейнику, ни предприимчивому маркитанту...“

Едва ли не первыми пострадали гвардейскіе казаки, на которыхъ эстерботнійцы напали неожиданно.

— „И самъ видѣлъ“,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ѳ. Булгаринъ,—„яму, въ которой подъ грудю утолъевъ, найдены кости нашихъ несчастныхъ казаковъ. Говорятъ, что поселяне бросали въ огонь раненыхъ вмѣстѣ съ мертвыми. Нѣкоторые пикеты, явно атакованные, защищались до крайности, но были взяты превышающею силою бунтовщиковъ и изрублены топорами въ мелкіе куски. Находили обезглавленные трупы нашихъ солдатъ, зарытые стоймя по грудь въ землю. Изуродованныя тѣла умерщвленныхъ измѣннически нашихъ солдатъ висѣли на деревьяхъ у большой дороги...“

Крестьяне, оставшіеся въ селеніяхъ и торпяхъ, отказывались отъ поставки лошадей, продажи скота и продовольственныхъ запасовъ. Между тѣмъ партизаны перерыли дороги канавами, завалили ихъ засѣками, сожгли мосты—и пріостановили движеніе нашихъ транспортовъ. Не получая провіанта, солдаты наши ходили по окрестностямъ добывать себѣ пропитаніе, скребли землю въ поляхъ и огородахъ, отыскивая мерзлые картофель, коренья, грибы... Ихъ подстерегали въ засадахъ и убивали... Все это естественно вызывало озлобленіе въ рядахъ русскихъ войскъ, и они мстили партизанамъ безпощадно. Извѣстенъ случай, когда казаки, поймавъ человѣкъ десять саволакскихъ егерей, загнали ихъ въ яму и закололи пиками.

Но главная драма возстанія разыгралась, по словамъ нашего историка, на улицахъ города Ваза. Въ оборонѣ его вмѣстѣ съ шведскими войсками приняли участіе и обыватели... «Они стрѣляли въ русскихъ изъ оконъ и бросали все, что могло повредить человѣку». Наши солдаты естественно ожесточились, врывались въ квартиры и громили дома и лавки... Вазу стали сравнивать съ Прагою, распускали слухи, что ген. Демидовъ разрѣшилъ солдатамъ грабить, убивать и насиловать... Слухи эти дошли до Государя, и Онъ поручилъ произвести разслѣдованіе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ князю Д. В. Голицыну. Установлено было, что ген. Демидовъ такого приказанія не отдавалъ: — «женщинъ и дѣтей не убивали, а убивали взрослыхъ мужчинъ, сопротивлявшихся и вооруженныхъ». На разграбленіе городъ отданъ не былъ, но такъ какъ солдаты дрались въ улицахъ и домахъ толпами и въ одиночку, то наблюсти за ними было невозможно. Въ такомъ случаѣ, какъ настоящій, эксцессы неизбежны и неотвратимы—и они легли бы пятномъ на русскихъ солдатъ въ томъ только случаѣ, если бы было доказано, что они совершались въ отношеніи безоружнаго, мирнаго населенія, не принявшаго участія въ борьбѣ. Но и рапортъ шведскаго офицера Ульфгельма отъ 27-го іюня 1808 года устанавливаетъ тотъ фактъ, что «горожане Вазы тѣмъ или инымъ способомъ приняли участіе въ ожесточенной уличной схваткѣ, причемъ одни стали на сторону русскихъ, другіе— на сторону шведовъ».

Какъ бы то ни было, Императоръ Александръ, желая облегчить участь пострадавшихъ, послалъ жителямъ Вазы нѣкоторую сумму на возмѣщеніе ихъ матеріальныхъ убытковъ.

Послѣдствія крестьянскаго возстанія были, конечно, ужасны. Вотъ, что цитируетъ нашъ историкъ изъ дневника аудитора Аспа: «2-го августа проѣзжалъ я мимо кирки Куррика къ киркѣ Каухіюки. Дорога непріятная... Ни одного человѣка не видѣлъ, ни одного геймата. Сплошныя развалины и сгорѣвшія деревни... Все сожжено, ограблено, опустошено. Поля скошены, луга потравлены, имущество расхищено, деревни сожжены, жители изгнаны, избиты, повѣшены, убиты. У церкви стояла висѣлица, на которой были повѣшены два человѣка...»

Со стороны шведскаго правительства, съ самаго начала кампаніи не вѣрившаго въ успѣшный исходъ ея, было, по справедливому выраженію Блада, «безумной выходкой» поднимать въ краѣ народное возстаніе, не имѣя для организаціи и вооруженія возставшихъ ни оружія, ни вождей, ни офицеровъ, ни унтеръ-офицеровъ. Не организованная, не дисциплинированная, дрекольемъ вооруженная шайка, во главѣ которыхъ часто стояли, по выраженію того же Блада, «самые худшіе отбросы и распутники деревни», — навлекли на страну величайшее изъ бѣдствій войны — разгромъ и раззореніе ея мирнаго населенія...

Легкомысленно было также видѣть во временномъ успѣхѣ шведскаго оружія надъ русскимъ истинную мощь перваго и безнадѣжное безсиліе втораго.

Мы собрались, устроились, сознали свои ошибки, усилили войска, вызвали на театръ войны новыхъ талантливыхъ вождей, вродѣ гр. Н. М. Каменскаго, — и побѣдоносно перенесли войну на берега самой Швеціи, угрожая даже Стокгольму.

Король былъ принужденъ отречься отъ престола. Швеція признала себя побѣжденной. Финляндія была завоевана — и Фридрихсгамскій миръ закрѣпилъ ее за нами.

VII.

Опускаемъ рядъ интересныхъ страницъ, освѣщающихъ, какъ велись переговоры о мирѣ, и переходимъ къ вопросу о томъ, какъ отнеслись къ отторженію Россіей отъ Швеціи Финляндіи представители всѣхъ трехъ названныхъ странъ.

Шведамъ, конечно, не легко было примириться съ потерей Финляндіи, и они не теряли надежды на возвратъ ея. Понимая, что собственныхъ силъ для этого недостаточно, они стали ждать благо-

пріятныхъ для себя обстоятельствъ и политическихъ комбинацій. Вотъ что, напимѣрь, писалъ своему другу Рейтергольму Стединксъ, подписавшій отъ имени Швеціи Фридрихсгамскій мирный договоръ:

— „Не будемъ однако отчаиваться, мой другъ; въ одинъ прекрасный день оно (Ладожское озеро) будетъ снова нашимъ, но для этого необходимо много лѣтъ хорошаго управленія и экономіи, продолжительный миръ, который не измѣнилъ бы наши права и не притупилъ бы нашу храбрость, а для этой страны (Россіи)—смуты, мятежи, среди подтачивающихъ уже ее пороковъ, войны, побѣды, азиатская роскошь, сатрапы, рабы и полнѣйшій хаосъ, какъ неизбежное послѣдствіе всего этого“...

Этотъ взглядъ умнаго дипломата и ревностнаго патріота пережилъ столѣтіе.

Нашъ историкъ отмѣчаетъ книгу шведскаго генерала Нордсвана, изданную имъ къ столѣтію войны 1808—9 гг., которая заканчивается слѣдующимъ разсужденіемъ:

— „Чему можетъ эта война научить шведовъ? Прежде всего, шведы могутъ научиться тому, что Россія совсѣмъ не такъ опасна, какъ она многимъ казалась въ 1808 году и что многіе еще думаютъ о ней въ настоящіе дни. Теперь, какъ и тогда, имѣются обстоятельства, которыя мѣшаютъ Россіи послать всю или значительную часть своей военной силы противъ насъ. Съ этими обстоятельствами, которыя мы упустили изъ вида изучить, слѣдуетъ теперь близко ознакомиться“...

Въ Финляндіи современники ея присоединенія къ Россіи «единодушно прославили великодушіе Императора Александра I, съ которымъ онъ утвердилъ «конституцію», свободу и преимущества покоренныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они сознавали, что отъ работы будущихъ поколѣній зависитъ начатое дѣло. Въ чемъ же это «дѣло»? Въ сохраненіи и развитіи своей финской національности посредствомъ конституціи. Къ воссоединенію со Швеціей не стремились.

— «Въ этомъ нѣтъ никакой пользы,—писалъ абосскій епископъ Якъ. Тенгстремъ.—Швеція намъ не нужна, только ея желѣзные руды»... Чтобы «сохранить себя націей», по мнѣнію того же епископа, финскому народу «слѣдуетъ укрѣпить и утвердить національный духъ (установиться, какъ нація подъ русскимъ Императорскимъ покровительствомъ), поддерживать лютеранскую религію и совершенствовать торговлю и промышленность, чтобы народъ могъ зависѣть отъ самого себя и пріобрѣсти уваженіе своихъ владыкъ»...

Пути и средства къ этому: сеймъ, образованіе, нравственное совершенствованіе и культъ финскихъ народныхъ героевъ, среди которыхъ герои войны 1808—1809 гг., благодаря талантливому автору «Разказовъ прапорщика Столя», Рунебергу, заняли первенствующее мѣсто.

«Крайне своеобразно», по словамъ нашего историка, отнеслись къ войнѣ и ея послѣдствіямъ сами русскіе...

— «Хотя это завоеваніе было очень полезно,—писалъ Гречъ,— но такъ какъ оно было сдѣлано противъ союзника (?) и родственника, то не одобрялось общимъ мнѣніемъ въ Россіи».

— «Враждебное настроеніе, съ которымъ относились въ Россіи къ союзу съ Наполеономъ, привело къ тому странному явленію, что наступательная война противъ шведовъ, этихъ старинныхъ географическихъ враговъ Имперіи, была громко осуждаема русскими, и успѣхи русскаго оружія почитались безславіемъ. Современникамъ этихъ событій казалось, что Александръ вооружился противъ слабаго сосѣда во исполненіе воли, исходившей отъ ненавистнаго завоевателя и притѣснителя народовъ, Наполеона; въ новомъ приобрѣтеніи усматривали одно только незаконное насиліе»...

— «О, бѣдная Швеція, о бѣдные шведы!»—вотъ, что было слышно со всѣхъ сторонъ послѣ Фридрихсгамскаго мира»; свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ Вигель.

Если въ политическомъ отношеніи война въ Финляндіи не вызывала сочувствія къ дѣламъ ея среди тогдашняго русскаго общества, то въ военномъ—она, по свидѣтельству извѣстнаго поэта-воина Дениса Давыдова,—«во время самого своего разгара не обратила на себя взоровъ ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до того было общему любопытству, утомленному громадными событіями въ Моравіи и восточной Пруссіи, чтобы заниматься войною, въ которой число сражавшихся едва ли доходило до числа убитыхъ и раненыхъ въ одномъ изъ сраженій предшествовавшихъ войнъ... Финляндская война, будучи поглощена событіями еще огромнѣе предшествовавшихъ, погибла въ неизвѣстности»...

Правда, пишетъ шведскій историкъ Йерне, «никакихъ особенно величественныхъ операцій въ этой войнѣ не было; не было ни одного великаго, блистательнаго, навсегда достопамятнаго происшествія... Энергія, по всѣмъ видимостямъ, отсутствовала у предводителей обѣихъ воюющихъ сторонъ. Кровопродитностью эта

борьба не отличалась. Много было допущено безцѣльныхъ и утомительныхъ переходовъ... Подвигамъ было мало мѣста»...

Но какъ бы ни велась война 1808—1809 гг., значеніе ея, по мнѣнію нашего историка, велико, и это значеніе прекрасно опредѣлено въ дневникѣ генер.-лейт. Голенищева-Кутузова, очевидно, не раздѣлявшаго общаго отношенія къ ней, существовавшаго тогда въ Россіи.—«Если бы мертвые чувствовали, пишетъ онъ по поводу извѣстія о Фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ,—то Петръ и Екатерина возрадовались бы, что самое дорогое ихъ стремленіе осуществлено:—Швеція сведена къ нулю. Завоеваніе Финляндіи несомнѣнно самое драгоцѣнное приобрѣтеніе со времени покоренія Крима»...

VIII.

Дѣло устройства новой области на началахъ законодательной, административной и судебной независимости отъ остальной Имперіи началось съ воссоединенія съ нею въ 1811 г. Выборгской губерніи, отнятой у шведовъ еще Петромъ.

Нашъ историкъ, называя этотъ актъ политики Императора Александра I «историческою несправедливостію», весьма подробно рассказываетъ всю закулисную сторону этого дѣла, обдѣланнаго нечистоплотными руками такихъ авантюристовъ, какъ Спренгспортенъ, Армфельтъ, Эренстремъ и др., нашедшихъ себѣ гостепріимный пріютъ на берегахъ Невы, послѣ того, какъ имъ не повезло или стало тѣсно по тѣ сторону Ботническаго залива.

Если съ идеальной точки зрѣнія еще можно признавать логичнымъ воссоединеніе «Старой Финляндіи» съ «Новой», то съ точки зрѣнія практической, обще-государственной нельзя не признать, что это воссоединеніе, совершенное двумя манифестами 11-го декабря 1811 года, было дѣломъ поспѣшнымъ и потому рискованнымъ. Въ лойяльности населенія приобрѣтенной по Фридрихсгамскому миру области мы не имѣли еще достаточно времени убѣдиться; горечь потери Финляндіи еще сильно чувствовалась въ Швеціи; эпоха политическихъ переворотовъ въ царяхъ и царствахъ, совершавшихся властною рукою Наполеона, еще не миновала; отношенія Россіи съ Франціей все болѣе обострялись, и можно было ожидать, что нашъ недавній тильзитскій другъ и союзникъ, под-

стрекавшій насъ къ войнѣ съ Швеціей и къ походу на Стокгольмъ, теперь начнетъ подстрекать нашихъ недавнихъ враговъ къ походу на Петербургъ—да, такъ оно и было...—При этихъ условіяхъ придвигать на разстояніе 45 верстъ границу Финляндіи, совершенно независимой отъ всякаго надзора имперскихъ властей, страны, которая по ѣдкому опредѣленію того же Голенищева-Кутузова «стала княжествомъ господина Армфельта,—того самого Армфельта, который послѣ того, какъ былъ наперсникомъ Густава IV, его закадычнымъ другомъ, теперь сталъ заклятымъ врагомъ Швеціи въ угоду Россіи,—который можетъ быть только русскимъ, чтобы не быть подлецомъ (scélérat)»...—было, дѣйствительно, шагомъ рискованнымъ.

Съ нимъ можно и должно было подождать. Время удалило бы съ арены жизни такихъ людей, какъ Армфельтъ и Спренгспортенъ—и тогда русско-финляндскія отношенія создавались бы чистыми руками русскихъ людей и финляндцевъ, воспитанныхъ, быть можетъ, и на началахъ иного политическаго режима, чѣмъ русскій, но не въ удушливой, отравленной міазмами обмана, лжи, эгоизма и предательства атмосферѣ заговоровъ, въ которой выросли тогдашніе финляндскіе дѣятели.

А каковы они были вотъ ихъ портреты:

Армфельтъ, бѣжавшій изъ Швеціи въ Россію «на ловлю счастья и чиновъ», будучи генераль-адъютантомъ Русскаго Государя, осыпанный его милостями, иначе не называлъ русскихъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, какъ «сволочь», «скоты», «варвары» и т. д.; будучи докладчикомъ по финляндскимъ дѣламъ у Императора Всероссийскаго, Великаго Князя Финляндскаго, онъ въ то же время желалъ доказать шведскому кронпринцу, Бернадотту свою преданность прежнему отечеству и во время пребыванія послѣдняго въ Або—стремился открыть ему глаза на возможность получить Финляндію обратно.

Такимъ же двойнымъ предателемъ былъ и Спренгспортенъ, еще болѣе темная личность, познакомиться съ біографіей котораго мы отсылаемъ желающихъ къ книгѣ К. Ордина.

Уволенный отъ должности финляндскаго генераль-губернатора, но не лишенный непостижимаго довѣрія Императора Александра, совѣтникъ и экспертъ по финляндскимъ дѣламъ, онъ одновременно писалъ письма ему и королю шведскому; перваго онъ благодарилъ за оказанныя ему милости, а втораго—убѣждалъ въ «неуга-

симомъ рвеніи и горячей любви къ возлюбленной родинѣ» и просилъ позволенія вернуться въ Швецію.

Созданный руками такихъ людей «финляндскій вопросъ» не могъ стать инымъ, какъ «запутаннымъ».

Этому не мало, конечно, способствовалъ загадочный характеръ самого Императора Александра I, политика котораго не знала почти «національныхъ требованій». При немъ, по словамъ нашего безпристрастнаго историка, не скрывающаго увлеченій, ошибокъ и слабости русской власти,—много говорили о «народной волѣ», причемъ не считались только съ волей «русскаго народа». Россія истощалась въ пользу чужихъ народностей и чужихъ интересовъ. Всѣ преимущества отдавались «чужакамъ».

И черезъ всю книгу патріота-историка красною нитью проходитъ здравая, патріотическая мысль: *русское государственное дѣло должны дѣлать русскія руки.*

Вл. Апушкинъ.

